Е.Ю. Скарлыгина, кандидат филологических наук, доцент кафедры литературно-художественной критики и публицистики факультета журналистики МГУ имени М.В. Ломоносова; e-mail: scarlygina@yandex.ru

РОМАН ГУЛЬ И ТРЕТЬЯ РУССКАЯ ЭМИГРАЦИЯ

Статья[1] посвящена достаточно сложным отношениям Романа Гуля с представителями «третьей волны» эмиграции. Анализируется реакция редактора «Нового журнала» на произведения А. Синявского-Терца и А. Белинкова, рассматриваются его отклики на творчество А. Солженицына. Особое внимание уделяется взаимоотношениям с В. Максимовым. Редактор «Континента» состоял в переписке с Романом Гулем, стремился к объединению различных «волн» русской эмиграции.

Ключевые слова: *Роман Гуль, «Новый журнал», «третья волна» эмиграции, А. Синявский, В. Максимов.*

This article devote to very complicated relations of Roman Gul` with the "third wave" of the Russian emigration. The author analyses a chief-editor of "The New Review" reaction to works of A. Sinyavsky—Terz and A. Belinkov, researches some reviews to works of A. Solzenicyn. The main topic of report is the Roman Gul` relationship with V. Maksimov. The chief-editor of "Kontinent" was corresponded with R. Gul`. He tried to unify the different waves of Russian emigration.

Key words: *Roman Gul`, "The New Review", "third wave" of emigration, A. Sinyavsky, V. Maksimov.*

Как будто само провидение способствовало тому, чтобы Роман Гуль вошел в состав редакции «Нового Журнала», а затем и возглавил ее в исторический промежуток от «оттепели» до перестройки (1959—1986). Именно в период редакторства Р. Гуля заметно оживляются связи «Нового Журнала» с Россией, возрастает интерес к подлинной русской культуре, создававшейся в СССР вопреки жесткому идеологическому давлению и цензурным гонениям.

На протяжении тридцати лет Роман Гуль почти в каждом номере «НЖ» печатал собственные литературно-критические статьи, рецензии, обзоры, которые позднее собрал в двух книгах[2]. Столь непривычное и оригинальное название он почерпнул, как известно, в толковом словаре В. Даля: ехать одвуконь — это значит «ехать с подручной или запасной лошадью». Поясняя свою мысль, Р. Гуль писал, что «после большевицкого переворота русская литература

[1] В основу статьи положен доклад, прочитанный автором на международной научной конференции «Зарубежная Россия на перекрестке двух столетий», посвященной 70-летию «Нового Журнала». Конференция состоялась 28—29 апреля 2012 г. в Колумбийском университете, г. Нью-Йорк.

[2] *Гуль Р.* Одвуконь: Советская и эмигрантская литература. Нью-Йорк, 1973; *Гуль Р.* Одвуконь-два: Статьи. Нью-Йорк, 1982.

пошла одвуконь. Часть ее осталась в своей стране, а часть выбросилась на Запад, став русской эмигрантской литературой. «Подручная, запасная лошадь» оказалась очень нужна. Без нее бы — останься вся русская литература в большевицком рабстве — большевики бы ее всю задушили»[3]. Отмечая, что именно так, одвуконь, русская литература прожила уже полвека, Роман Гуль тем не менее с абсолютной уверенностью утверждал: «Но когда-нибудь настанет день — и непременно настанет! — когда вся полувековая халтура «инженеров человеческих душ» отомрет, а творчество советских писателей, кто, несмотря ни на что, оставался духовно свободным, сольется с творчеством русских свободных писателей-эмигрантов. И тогда русской литературе не нужно уже будет "ехать одвуконь"» [4]. Это предвидение Р. Гуль высказывал в 1973 году, в период тотального и беспросветного господства цензуры в СССР. «Новый Журнал» под его руководством постоянно печатал произведения литературного и политического самиздата, создававшиеся в СССР и поступавшие на Запад по тайным каналам (об этом нам уже довелось подробно говорить на конференции, посвященной 60-летию «НЖ») [Скарлыгина, 2003, с. 15—22].

Интерес Романа Гуля к русской культуре простирался «поверх барьеров», он преодолевал границы. Главным было «продолжение свободной русской культурной традиции, утверждение свободы человека и великой ценности исторической России». С огромным уважением писал Р. Гуль об Анне Ахматовой (в частности, о «Реквиеме», на публикацию которого в период хрущевской «оттепели» твердо надеялся) и Марине Цветаевой; о М. Булгакове-драматурге в связи с выходом в Москве в 1965 г. однотомника его пьес. Привлекала внимание критика и новейшая советская литература. Р. Гуль положительно отзывался о романе В. Дудинцева «Не хлебом единым» (1956), вокруг «новомирской» публикации которого в СССР развернулись ожесточенные споры и длительная идеологическая кампания; о стихах Булата Окуджавы и его повести «Будь здоров, школяр!»; восторженно писал о А. Солженицыне — начиная с первых произведений и до «Августа четырнадцатого» — как об «исключительном явлении» и «необыкновенной духовной радости»[5] . В книгу «Одвуконь» были включены статьи Р. Гуля «Читая "Август четырнадцатого"», «Солженицын и соцреализм». В связи с преследованиями Александра Солженицына на родине и откровенной клеветой советской печати в его адрес «Новый Журнал» опубликовал статью Лидии Чуковской «Ответственность писателя и безответственность "Литературной газеты"» (кн. 93). Здесь же

[3] *Гуль Р.* Одвуконь... С. 3.

[4] Там же.

[5] Там же. С. 6.

была помещена большая подборка документальных материалов «Дело Солженицына» со вступительной статьей и комментариями Аркадия Белинкова. В следующей, 94-й книге, редакция «НЖ» опубликовала читательские отклики на произведения А. Солженицына, распространявшиеся на родине в списках. В 1975 г., когда писатель уже был выслан из страны, Роман Гуль посвятил восприятию его творчества статью «А. Солженицын в СССР и на Западе» (кн. 120). Взаимное внимание редактора «НЖ» и А. Солженицына воплотилось в ссылках на работы Р. Гуля в книге «Архипелаг ГУЛАГ» и снятии Р. Гулем очерков о Ягоде и Ежове при переиздании собственной исторической «тетралогии». «Сейчас, после выхода “Архипелага ГУЛАГ” А.И. Солженицына, я считаю правильным дать только два очерка — о Дзержинском и Менжинском», — писал Р. Гуль в предисловии ко второму изданию (Нью-Йорк, 1974 г).

Автор «апологии эмиграции» называл «Архипелаг ГУЛАГ» поистине «великой книгой». «Впервые за страшные, кровавые полвека она предлагает *всему миру* ознакомиться с бесовской, инфернальной сутью большевизма как не только русского, но мирового зла, — подчеркивал Роман Гуль. — “Архипелаг” написан с великой человечностью, с великой искренностью, ярким словом и с подачей подавляющего всякое воображение, огромного фактического материала»[6].

В 1960 г., отмечая выход в свет сотой книги «Нового Журнала», Роман Гуль подчеркивал, что всегда стремился к духовной перекличке со всеми теми русскими людьми, кто, живя под игом однопартийной диктатуры, остается все-таки духовно свободным. «Отстаивая гражданскую, политическую и творческую свободу человека, видя Россию культурно неделимой частью Европы, — писал Роман Гуль — «Новый Журнал» боролся и будет бороться с антикультурой деспотического большевизма, этого — по слову П.Б. Струве — «соединенья западных ядов с истиннорусской сивухой»[7] .

Тем не менее преследований со стороны советской власти и КГБ было отнюдь не достаточно для того, чтобы заслужить признание Р. Гуля-редактора. Из тех, кто подвергался на родине гонениям, а затем составил «третью» волну русской эмиграции, Роман Гуль сначала с искренней симпатией и интересом отнесся к Андрею Синявскому. Когда в Нью-Йорке в 1966 г. были опубликованы «Мысли врасплох», Р. Гуль посвятил данному произведению вполне сочувственную рецензию. Признавшись, что не является поклонником беллетристики А. Синявского, редактор «Нового Журнала» подчеркивал, что «эта книга заслуживает несомненного внимания»,

[6] *Гуль Р.* Я унес Россию: Апология эмиграции. Т. 3. М., 2001. С. 242.
[7] *Гуль Р.* Одвуконь... С. 183.

что в ней «есть записи большой остроты и пронзительности»[8] — в частности, те, которые посвящены особенностям русского национального характера. В освещении этой сложной темы Синявский, по мнению Р. Гуля, близок таким «почвенно-русским писателям», как Достоевский, Леонтьев и Розанов. «Много записей говорят о подлинной жажде религиозного понимания жизни, о тяге к образу Христа, к мистическому христианству, — отмечал Р. Гуль. — И когда подумаешь, что автор сын коммуниста и сам бывший комсомолец, его книга становится еще примечательней»[9]. «Голос из хора», выросший на основе лагерных писем А. Синявского супруге Марии Розановой, был отмечен в «Новом Журнале» вполне сочувственной, положительной рецензией Ю. Иваска [10]. Об этом внимании к А. Синявскому необходимо напомнить, чтобы лучше понять причины яростной реакции редактора «НЖ» на книгу «Прогулки с Пушкиным». О тоне и пафосе статьи Романа Гуля можно судить уже по названию: «Прогулки хама с Пушкиным». Конечно, слово «хам» автор употребляет в библейском смысле: «как цинизм человека и надругательство над тем, что в человеческом обществе надругательству не подлежит»[11]; вспоминает и о знаменитой статье Дм. Мережковского «Грядущий Хам», пророческие предвидения которого воплотились в советской действительности. Терц для Романа Гуля — это «охамленный пошляк», «полублатной профессор», «покорный раб Дубровлага, вольноотпущенник КГБ», «советский хамо-хулиган»[12]. Р. Гуль обвиняет его в тяге к «духовно-интеллектуальному разрушительству» и объявляет продолжателем худших традиций Д. Писарева и В. Маяковского. В своей развязной книге Терц, по мнению Р. Гуля, «охаивает огулом всю русскую литературу XIX века»[13], глумится над трагической смертью поэта, предлагая читателю вместо образа Пушкина свой собственный портрет. «Держась за Пушкина, и Терц не хочет оказаться забытым»[14], — подчеркивает рецензент.

«Мне неприятно было писать об этой грязной, хулигански-хамской и, в сущности своей, ничтожной книжке», которая написана «нарочито похабно, нарочито по-блатному»[15], — признавался Роман Гуль. Его удручало то, что книга о Пушкине написана вульгарным языком, пришедшим «прямехонько из блатного барака Дубровла-

[8] *Гуль Р.* «Мысли врасплох» А. Синявского // Новый Журнал. 1966. № 84. С. 276.
[9] Там же. С. 278.
[10] *Иваск Ю.* «Голос из хора» Синявского: заметки на полях // Новый Журнал. 1974. № 116.
[11] *Гуль Р.* Прогулки хама с Пушкиным // Новый Журнал. 1976. № 124. С. 117.
[12] Там же. С. 125.
[13] Там же. С. 123.
[14] Там же. С. 127.
[15] Там же. С. 129.

га!»[16]. Настаивая на том, что для него «имя Пушкина — *свято*»[17], Роман Гуль отказывался рассуждать об авторской игре и особенностях «фантастического литературоведения». «Терц пишет нагло, без всякой ответственности перед читателем»[18], — таков был суровый вердикт редактора «Нового Журнала».

Разумеется, реакции Р. Гуля на «Прогулки с Пушкиным», как и в целом критической рецепции этого произведения в среде русской эмиграции, посвящено уже немало работ. Назовем здесь прежде всего монографии профессора Кэтрин Теймер-Непомнящи [Теймер-Непомнящи, 2003] и молодого филолога из Москвы Татьяны Ратькиной [Ратькина, 2010], в которых подчеркивается, что Роман Гуль не делал различий между А. Синявским и его литературной маской — Абрамом Терцем, не вникал в тонкости литературной игры писателя. Его возмутил уже сам *тон* автора, редактор «НЖ» воспринял «Прогулки...» как святотатство по отношению к Пушкину. Надо признаться, что за редким исключением и первая, и вторая эмиграции отреагировали на «Прогулки с Пушкиным» именно так. Тем более, что появлению этого текста предшествовал громкий скандал вокруг публикации статьи А. Синявского-Терца «Литературный процесс в России» (осень 1974 года). В ней содержалась печально знаменитая фраза А. Синявского по поводу вынужденного еврейского исхода из СССР: «Россия-Мать, Россия-Сука, ты ответишь и за это очередное, вскормленное тобою и выброшенное потом на помойку, с позором, — дитя!..»[19]. Фраза, вырванная из контекста при многократном цитировании, вызвала бурю негодования в среде первой и второй русской эмиграции. В № 118 «Нового Журнала» была опубликована полемическая статья Олега Ильинского «Неудачные обобщения». «Прогулки с Пушкиным», подчеркнем еще раз, появились уже в атмосфере раздражения русской эмиграции против А. Терца. После книги «Мысли врасплох» Роман Гуль, очевидно, ожидал от Андрея Синявского совсем другого произведения: глубоко христианского, укорененного в русской национальной традиции, интеллектуально напряженного. Обманутые ожидания привели, на наш взгляд, к еще большей степени раздражения, к появлению поистине гневной статьи.

Другой пример твердости убеждений Романа Гуля и его прямоты, бескомпромиссности в отстаивании важнейших мировоззренческих принципов связан со статьей Аркадия Белинкова, предложенной для публикации в «Новом Журнале». Сочувствуя трудной судьбе талантливого литератора, высоко ценя его книгу о Юрии Тынянове, Р. Гуль тем не менее наотрез отказался печатать в «Новом Журнале» работу «Страна рабов, страна господ», широко ходившую в СССР в самиздате (в журнал она была предложена под названием «Декабристы»). В ней, используя эзопов язык и вполне прозрачные политические намеки, Аркадий Белинков, по мнению редактора «НЖ», обвинял русский народ в извечно присущем ему рабстве. Текст, в котором пороки тоталитарного коммунистического правления переносились на всю историческую судьбу России, Роман Гуль решительно отверг.

Имеет смысл вспомнить, что эмигрантов «третьей» волны русская диаспора изначально встретила настороженно и почти враждебно: слишком велики были ментальные и поколенческие различия, слишком чужими казались вчерашние “советские”, родившиеся и выросшие при советской власти. Роман Гуль не был здесь исключением, и по возможности наводил справки о незнакомцах, только что приехавших из страны Советов. Однако люди, которые в 1970-е годы смогли покинуть СССР, были ему в целом интересны, а саму идею эмиграции из тоталитарной страны редактор «Нового Журнала» горячо приветствовал — как прорыв к свободе. Его ненависть к коммунизму, большевизму, советской власти была убежденной и неизменной. Профессор Питсбургского университета Елена Дрыжакова на конференции, посвященной 60-летию «Нового Журнала», вспоминала о том, как весной 1979 г., при первой личной встрече, преодолев вполне понятные настороженность и недоверие, Роман Гуль затем увлеченно расспрашивал ее о России: «...как живут люди, что они думают, что происходит в литературе, как стала возможной третья волна эмиграции и т.п.»[20]. Роман Гуль возлагал определенные надежды на самых ярких и достойных представителей «третьей» волны эмиграции, в частности на Владимира Максимова. В историческом архиве при Бременском университете (Forchungsstelle Osteuropa Historisches Archiv) в Германии (куда передан архив журнала «Континент») хранится письмо Романа Гуля — Владимиру Максимову от 11 августа 1974 г. Из его текста со всей очевидностью следует, что редактор «Нового журнала» всерьез размышлял над тем, что на этом посту его мог бы сменить кто-то из представителей третьей эмиграции.

«Я давно уже страдаю, что в Новом Журнале не было о Вас большой статьи, — писал Роман Гуль. — Объясняется это тем, что у меня самого не доходят руки. Я ведь в журнале один-одинеше-

[16] Там же. С. 128.
[17] Там же. С. 123.
[18] *Гуль Р.* Прогулки хама с Пушкиным. С. 127.
[19] *Терц Абрам* (Андрей Синявский). Путешествие на Черную речку и другие произведения. М., 1999. С. 200.
[20] *Дрыжакова Е.* Вспоминая Романа Гуля // Творчество диаспоры и «Новый Журнал». Нью-Йорк, 2003. С. 71

нек, как кустарь с мотором. Но мотор уж сдает, и я многого просто не успеваю сделать. Для статей о Солженицыне выкроил время только будучи на отдыхе, да и то с превеликим трудом. На мне лежит буквально все: и переписка с авторами, и правка рукописей (Вы же знаете, что многие рукописи нужно доводить до какого-то "литературного уровня", и это самая проклятая работа), и вся возня с типографией, и корректура, и возня с бухгалтером и пр. Это издалека так импозантно кажется — выходит толстый журнал — регулярно, четыре раза в год. А вблизи только я знаю, чего мне это стоит. И, забегая вперед, скажу, что я бесповоротно решил довести журнал до конца года. А там пусть кто-нибудь другой возьмет в свои руки его редакцию. И тут я, естественно, думаю о всех недавно приехавших на Запад. Например, о Вас»[21].

В ответном письме Роману Гулю от 25 августа 1974 года Владимир Максимов в качестве возможной кандидатуры на пост главного редактора «Нового Журнала» называл Виктора Некрасова, только что эмигрировавшего в то время из СССР. Далее тема была продолжена в письме В. Максимова — Р. Гулю от 16.01.1975 г. Приведем его целиком:

Дорогой Роман Борисович!

Вы мне уже писали, что ищете себе преемника на посту Главного редактора «Нового Журнала». На днях я получил (не знаю, верную ли?) информацию о ведущихся Вами на месте переговорах. Крайне тревожно, если такое серьезное и значительное издание попадет в случайные руки. До сих пор не могу взять в толк, почему в Америке по-настоящему не замечают такого серьезного и кристально чистого писателя, как Наум Коржавин, пожалуй, самая светлая голова сегодняшней подсоветской России.

Поверьте мне, что Коржавин на протяжении многих лет был для литераторов моего поколения (задолго до появления Солженицына) единственным настоящим (я не говорю о корифеях — Пастернаке и Ахматовой, они стояли несколько в стороне от общественной и политической жизни) авторитетом, как в творчестве, так и в нравственном смысле. Авторитет этот в сегодняшней России у Коржавина все так же высок и непререкаем, а это для журнала, значительная часть которого строится на «Самиздате», неоценимо.

Во всяком случае, журнал должен возглавить писатель, и не меньшего, чем Вы, ранга. Это, на мой взгляд, гарантия его уровня и долголетия. Простите за непрошенные советы, но они продиктованы только тревогой за будущее дорогого всем русским издания и высоким уважением к Вам лично.

Всегда Ваш В. Максимов[22]

[21] Из архива главного редактора / Публ. В. Максимова // Континент. 1989. № 62. С. 322.

Доверие и интерес Романа Гуля к В. Максимову объясняются прежде всего тем, что Владимир Емельянович был убежденным и последовательным антикоммунистом. Кроме того, он был близок А. Солженицыну, который стоял у истоков создания журнала «Континент». Именно Александр Исаевич дал письмо-поручительство А. Шпрингеру, на средства которого и начал издаваться этот литературный, общественно-политический и религиозный журнал. В. Максимов был достаточно хорошо известен в среде русской эмиграции как писатель, имевший несколько запрещенных к публикации в СССР романов (в частности, «Семь дней творения» и «Карантин»). Его эмиграция из страны была вынужденной: это был человек, глубоко и искренне любивший Россию, страдавший за нее.

«Континент» В. Максимова был журналом с ярко выраженным направлением — антикоммунистическим, антитоталитарным, что, повторяем, не могло не вызывать искреннюю симпатию и интерес Романа Гуля. Журнал поддерживал диссидентское, правозащитное движение в СССР и других социалистических странах, целенаправленно освещал в публицистических статьях самые болевые точки русской истории XX века, которые сознательно замалчивала официальная советская историография. Здесь публиковались произведения тех авторов, которые были вытеснены в эмиграцию, запрещены у себя на родине или же подвергались цензурным гонениям. Весьма значительным был всегда и поток рукописей, поступавших в редакцию по каналам самиздата. Первый номер журнала появился на осенней книжной ярмарке во Франкфурте-на-Майне в 1974 г. и сразу же привлек к себе внимание. Вскоре он начал выходить не только в русской, но и в немецкой редакции, довольно быстро превратившись в одно из самых влиятельных и авторитетных изданий русской эмиграции.

Но обратим внимание, что обмен мнениями по поводу возможной кандидатуры редактора «Нового Журнала» происходит между Р. Гулем и В. Максимовым в то время, когда третья эмиграция, в сущности, еще только появилась на Западе. В конечном итоге Роман Гуль, как известно, никому не доверил свой журнал и вел его твердой рукой вплоть до своей кончины. Очевидно, его устраивало далеко не все в том, как В. Максимов выстраивает курс нового издания. Напомним, что именно в первом номере «Конти-

[22] Из архива журнала «Континент» / Вступительная заметка, публикация и комментарии Е. Скарлыгиной // Вопросы литературы. 2007. № 2. С. 321.

нента» было опубликовано, с одной стороны, напутственное слово журналу А. Сахарова и А. Солженицына, а с другой — та самая статья А. Синявского «Литературный процесс в России», которая вызвала взрыв негодования русской эмиграции. Возможно, Р. Гуль сетовал на то, что старая русская эмиграция не чувствует издание своим, близким по духу. Во всяком случае в письме В. Максимова Р. Гулю, написанном весной 1975 года (без даты), вполне ощутима скрытая полемика.

«Поймите же, наконец, многоуважаемый Роман Борисович, — писал В. Максимов, — наш журнал спокойно будет существовать самостоятельно, что бы о нем ни говорили в нынешней эмигрантской среде. Повторяю, у нас достаточно для этого авторитета внутри России (беззаветность Сахарова и шесть с половиной каторжных лагерей Синявского чего-нибудь да стоят!), а также профессиональной репутации (большинство из нас имеет серьезного и стабильного читателя, как на родине, так и за рубежом). Мы делаем журнал в основном не для эмиграции, а для России и Восточной Европы и уже получаем огромное число откликов оттуда. Люди самого разного положения и, на первый взгляд, противоположных политических убеждений, такие как академик Сахаров и кардинал Вышинский, отец Дмитрий Дудко и чехословацкий поэт Сейферт, бывший вице-президент Милован Джилас и рядовой студент из Москвы В.Соколов, прислали или передали нам свои отклики на первые номера журналов “Континента”. Отклики более чем лестные и обязывающие. Журнал, как нам пишут, перепечатывают и перефотографируют и переписывают от руки»[23].

Как видим, В. Максимов настаивал на важности и ценности возглавляемого им издания для России, на том, что «Континент» востребован на родине и именно *там* прежде всего необходим. Обратим внимание на сплоченное «мы» в письме В. Максимова: конфликт с супругами Синявскими, раскол третьей эмиграции на два непримиримых лагеря был еще впереди.

Наиболее доверительные, тесные контакты с представителями «белой» и послевоенной эмиграции сложились, как известно, у Александра Солженицына — и в связи с публикацией на Западе книги «Архипелаг ГУЛАГ», и как следствие призывов писателя собрать и сохранить документальные свидетельства старых эмигрантов. Александр Исаевич никогда не относил себя к «третьей волне» эмиграции, со многими ее представителями (в частности, с А. Синявским) резко полемизировал и не совпадал во взглядах на историю России. В «очерках изгнания» «Угодило зернышко промеж двух жерновов» он написал о своей мировоззренческой и поколенческой близости к представителям первой и второй русской эмиграции.

[23] Из архива журнала «Континент». С. 322.

Владимир Максимов (не без влияния А. Солженицына, конечно) на протяжении семнадцати лет издания «Континента» в Париже (1974—1991) настойчиво стремился к объединению всех трех «волн» русской эмиграции: пропагандировал деятельность благотворительного «Толстовского фонда» и материально поддерживал его; состоял в переписке с Андреем Седых, дружил с Леонидом Ржевским; печатал в «Континенте» стихи Ивана Елагина, Валерия Перелешина и Игоря Чиннова. Когда издание «Континента» было перенесено в Россию, когда журнал возглавил Игорь Виноградов, специальное уведомление об этом, обращение к читателям было опубликовано в «Новом Журнале».

Издание «Нового Журнала» на протяжении многих лет требовало подвижнических, самоотверженных усилий от Романа Гуля. Ведение русского «толстого» журнала в эмиграции он осознавал как важнейшую миссию, служение русской культуре и русской истории. В этом высоком понимании принятого на себя долга Владимир Максимов полностью совпадал с Романом Гулем.

Список литературы

Ратькина Т.Э. Никому не задолжав... Литературная критика и эссеистика А.Д. Синявского. М., 2010.

Скарлыгина Е. «Новый Журнал» и неподцензурная культура в СССР 1960—1980-х годов // Творчество диаспоры и «Новый Журнал». Нью-Йорк, 2003.

Теймер-Непомнящи К. Абрам Терц и поэтика преступления. Екатеринбург, 2003.

Поступила в редакцию
12.10.2012